

Суббота, 3-го Июля 1904 года № 63 53.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

Суббота, 3-го Июля 1904 года № 6353.

ОДЕСКИЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

начальника своего, пристасть безъ мѣры со своимъ надѣлано-смѣшными извиненіями.

Вы смѣетесь вмѣстѣ съ Чеховымъ...

Его, смѣясь, неужели вы не чувствуете въ душѣ своей пробудившееся чувство жалости къ приближающему, придавленному жизнью герою?.. Къ объекту вашего смѣха?..

И неужели ваше минутное веселое настроеніе не смѣняется тоской безнадѣжности?..

Неужели вся ваша душа, за минуту до того безразличная къ герою, ваша только что смѣлившаяся душа не охвачена теперь чувствомъ глубокаго состраданія?..

Увы! Безцѣльнаго состраданія. Безполезнаго состраданія.

Потому что вы не въ состояніи ему помочь...

Вы можете только видѣть, что передъ вами безнадежно-раздавленный человѣкъ.

Овъ еще, пожалуй, „подастъ признаки жизни“.

Но ему уже не подняться, не выпрямиться, не стать господиномъ самого себя, разѣ овъ уже сталъ рабомъ окружающихъ...

Человѣкъ, который обреченъ „тавуть лампу“!

Для котораго уже нѣтъ перспективъ. И который сознаетъ это...

Главное: который сознаетъ это!

Самое ужасное, когда у людей отнимаютъ мечту, надежду на что-то лучшее, болѣе свѣтлое, болѣе ясное...

Самое страшное, когда человѣкъ остается безъ перспективъ.

Всю жизнь смотрѣть позади себя и ничего не видѣть вперед!

Нѣтъ того огонька, который привлекалъ бы къ себѣ, къ которому стремились бы...

Главное: котораго можно было бы достать.

Чеховъ смѣялся и тогда, когда уже плакалъ.

Это—тоже не парадоксъ.

Развѣ его лѣсъ отчаянія, пѣснь безысходной тоски, пѣснь безнадѣжности не есть жестокая насмѣшка надъ всеми нашими общественными стремленіями?!

Мы мысленно летимъ къ какой-то цѣли... Нужной, страшно-нужной цѣли.

„Со стороны видѣй“...

А Чеховъ, какъ истый безпристрастный художникъ, все время стоитъ въ сторонѣ и наблюдаетъ.

Намъ кажется, что мы живые люди... Съ радостями и печалями. Съ стремленіями къ ясной цѣли...

Но, со стороны глядя, оказывается, что мы скелеты...

Все остальное не важно.

И Чеховъ—какая рѣзкая противоположность Горькому, наприимѣръ!—не двигалъ насъ въ подвигъ:

— Къ чему?

Овъ не водухевлялъ насъ „возвышающимъ обманомъ“...

Чеховъ предпочелъ жестокую правду жизни.

И эта жестокая сѣрая правда подавляла насъ своей безысходностью...

И вмѣстѣ съ Чеховымъ мы только могли тосковать по этому идеалу.

Котораго увы!—не намъ достичь съ нашими слабыми силами, съ нашими подрѣзанными крыльями...

СИГЪ.

Около жизни.

Чеховъ.

I.

Такое впечатлѣніе, будто лопнула струна, изъ которой гениальный скрипачъ извлекалъ звуки плача,—стенанія безнадѣжной тоски...

Цѣлая поэма міровой скорби!..

Скрипка стонала, скрипка рыдала, скрипка подавляла насъ своими грустными мелодіями...

Пока, выпавши изъ рукъ обезснѣвашаго скрипача, она не ударила о камень и не разбилась...

Пѣснь тоски и скорби оборвалась...

Но въ ушахъ еще раздаются звуки послѣдняго жалобнаго аккорда...

Въ душѣ пусто...

Оборвалась жизнь Чехова!

Такъ жестоко-преждевременно!

Вудто самой смерти стало не въ могоу слушать эти стенанія тоски...

И она властно—такъ властно, какъ властно умѣетъ распоряжаться только смерть—крикнула:

— Замолчи!..

Вмѣстѣ съ послѣднимъ предсмертнымъ вздохомъ оборвалась тоскливая пѣснь великаго поэта скорби.

Пѣснь, съ которой мы сроднились.

Пѣснь, которая проникла въ самые тайники вашей души и звуки которой мы тѣшество старались заглушить искусственнымъ смѣхомъ, обманчивыми надеждами, бесполезными стремленіями...

Ибо не заглушишь тихую, но проникновенную пѣснь правды браурными звуками самообмана!..

Чеховъ плакалъ еще тогда, когда смѣялся.

Это не парадоксъ.

Чеховъ—юмористъ, Чеховъ—Чехонте—тотъ-же безнадежный пессимистъ, что и Чеховъ послѣднихъ лѣтъ.

Если не считать двухъ-третей его произведеній чистой юмористикой—его „Медвѣдь“, наприимѣръ, его „Дамы съ собачкой“, его „Предложенія“—развѣ сквозь смѣхъ всѣхъ остальныхъ его героевъ не слышатся намъ звуки все той-же безнадѣжности?..

Чеховъ не былъ еще Чеховымъ, а былъ еще Чехонте, когда писалъ свою „Смерть чиновника“.

Маленькій юмористическій рассказъ.

Юморъ есть ключъ.

Передъ вами, несомнѣнно, шаржированная фигура, шаржированныя сцены...

— Каррикатура.

Но нужно быть большимъ художникомъ, чтобы писать столь выдержанныя каррикатуры.

И вы смѣетесь безъ удержу.

Особенно тогда, когда приближенный герой, плюнувшій невзначай въ сторону